

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I ВОЙНА В ВАЛАХИИ

Глава 1. На Буге.....	5
Глава 2. Николаевская верфь	20
Глава 3. В дороге	34
Глава 4. Бой на хуторе.....	49
Глава 5. Бырлад. Весеннее стояние	78
Глава 6. Зажигательная пуля.....	90
Глава 7. Пакет от командующего.....	111
Глава 8. Валахия. Бросок на юг.....	121
Глава 9. Держать мост до подхода главных сил	136
Глава 10. Подполковник Озеров	154
Глава 11. Последний рубеж русских сил в Валахии	166

Часть II «ДЕЛО, ЕДВА ЛИ В ИСТОРИИ НАХОДЯЩЕЕСЯ!»

Глава 1. На прежнем месте	194
Глава 2. Старые знакомые	204
Глава 3. Особое задание.....	221
Глава 4. Кислицкая крепость.....	231
Глава 5. Килия	250
Глава 6. Засечная линия	263
Глава 7. Худая весть	282
Глава 8. В осаде.....	295
Глава 9. Штурм.....	310
Заключение	341

Часть I

ВОЙНА В ВАЛАХИИ

Глава 1

НА БУГЕ

За ногу тихонько потянули, и, заглянув под стол, Лешка оказался лицом к лицу с Коленькой. На него внимательно и пристально смотрели такие же большие карие глаза, как и у Катарины.

— Ну, пошли, пошли ко мне, сынок. — Алексей протянул руки к мальчику. — А я тебе сейчас про пушки расскажу и про то, как солдаты в барабаны громко бьют.

— А про лошадку ты мне тоже расскажешь? — полушепотом спросил малыш, с опаской поглядывая на протянутые к нему руки. — У тебя ведь есть лошадка, да, дядя?

— Про лошадку я обязательно расскажу, обещаю, — ответил с улыбкой Лешка. — У меня гнедой конь есть, он очень красивый! Его Орликом зовут. И у него на лбу такая белая-белая звездочка есть, вот прямо посередине лба, между глазами, — потер он пальцем переносицу. — А еще мой Орлик сухарики и хлеб с солью очень любит кушать,

ну или яблочко. Он так забавно хрустит им, вот так: хрум, хрум, хрум. Хочешь, мы с тобой вместе его потом угостим?

— Да, хорошо, дядя, — кивнул малыш и сам протянул ручки вперед.

— Коленька, это же твой папа, это не дядя, — сидящая рядом с Алексеем на лавке Катарина погладила малыша по голове. — Просто он очень долго был на войне, и ты его немного забыл. Но ничего, теперь-то он уже будет долго рядом с нами, — и она погрозила пальцем Лешке.

— А вот я папу сразу же узнал! — воскликнул Илья. — А вот Настька нет! Она мне сама это утром сказала! — и сорванец толкнул плечом сестру.

— И узнала, и узнала! Ну, ты чего толкаешься?! — Девчушка ущипнула брата и выскочила из-за стола.

— А ну-ка, тихо вы! — крикнула бабушка Йована. — Неслухи какие! Сейчас вон маленького разбудите! Будете потом его зыбку сами качать!

— Да ничего, мама, ему все равно уже просыпаться нужно, кушать пора, — успокоила Йовану Милица. — Я его в дальней спальне перепеленаю и там же покормлю. — И она встала из-за стола. — Да, конечно, пошли, пошли со мной, — сказала она с улыбкой хнычущей двухгодовалой Софии. — А вот папе с нами делать там нечего, — улыбнулась она Сергею. — Пусть он и дальше о своей войне разговаривает с мужчинами. Вон как им всем тут весело!

Вся большая зальная комната дома Милорадовичей была заставлена соединенными вместе столами. За ними располагалась вся многочисленная

родня и близкие Милорадовичей, Егоровых и Войновичей. Тут же, как члены семей, сидели на равных Курт с Егоркой и Карпович. Вот только вчера в Николаев, полгода уже как объявленный Новороссийским городом, приехали с Южной Дунайской армии на побывку господа офицеры. А уже на следующий день все близкие праздновали здесь встречу. У каждого из них сейчас было что рассказать друг другу, ведь эта война шла уже долгий третий год. Но самое главное здесь было то, что все они были сейчас живы и собрались вместе за этими длинными, заставленными снедью и напитками столами.

— Дорогие мои, а давайте я вам сейчас сыграю, а вы споете наши сербские? — Михайло взял в руки скрипку со смычком, и дом наполнился грустной мелодией.

— Вона, у господ офицеров музыка заиграла, только уж больно она чевой-то жалостливая, — вздохнул Соловьев и притопнул ногой, стряхивая снег. — Эко ж подмораживает-то сегодня! Ну что, как и уславливались, Федор Евграфович, сокращаю я ночной караул, чтобы ребяток не поморозить?

— Сокращай, Ваня, — кивнул, соглашаясь с капралом, Лужин. — Твоему ведь отделению выпало сегодня на часах стоять, вот ты сам первый и думай, как бы это вам лучшнее тут быть. Завтра лентьевским предстоит вот так же дежурить, а я так думаю, что и у них, небось, мороз тоже не спадет. А без караула нам, сам ведь понимаешь, ну вот никак нельзя. Ибо мы тут есть часть воинского подразделения, пришедшая сюда из особого егерско-

го полка, то бишь его дозорный боевой plutonг. И хоть даже и находимся сейчас за много верст от неприятеля, а все же службу караульную исправно должны нести. У нас тут как-никак ведь и военное имущество при себе имеется. Да вон, хоть, скажем, те же кони, — кивнул он на стоящие в глубине двора сарай и хозяйственные постройки.

— Да я-то со всем пониманием, Федор Евграфович, — кивнул капрал. — Да и ребятки все мои тоже разумные. Чего уж там, разок в день, да еще в ночь на два часа, ну или пусть даже три посто-ять — это ничего! Подумаешь, тоже мне — забота какая! Покараулим. Ну и чего ты сам-то стоишь, чего не идешь? А то вона уже как стемнело на дворе, а звезды такие, словно бы кто бисер на небе рассыпал. Ох ведь и яркие!

— Это да-а, — кивнул Цыган, поглядев вверх. — Южное небо — оно такое, оно здесь особенное.

В доме Милорадовичей хлопнула дверь, и на пороге мелькнула чья-то фигура.

— Во-о, а вот это, похоже, уже по мою душу, — насторожившись, произнес Лужин. — Ну, ладно, Ваня, блюди службу. Гляди, чтобы без меня тут, значит, самый сурьезный порядок у вас был. А вот завтра и тебе увольнительная будет. Ну, все, бывай! — и быстро перебежал двор. — Дядь Вань, дядь Вань, я это, Федя!

— Цыган? Ох ты ж, спужал! — воскликнул приглушенно Карпович. — Ты прямо как лешак из темноты выскочил. На-ко вот, держи, это тебе, — и, вынув из-за пазухи полушубка кувшин, сунул его в руки Лужину. — И это еще там сверху в узелке, чтобы пожевал маненько, все хоть не так шиб-

ко захмелеешь. Давай, давай, беги уже, шлында, — подтолкнул он благодарившего его егеря в сторону калитки. — Чтобы до рассвета только обратно пришел! Смотри у меня, Федька, а не то, как раньше, уши надеру и ведь не посмотрю, что ты нонче в серjanтах!

— Да, дядь Вань, ну чего ты, я же... — пробубнил Федька, скрываясь в ночи.

— Я же, я же, — проворчал Карпыч. — Как был ты кобелем, Федька, так и остался им. А горбатого только лишь могила и исправит.

Отряхивая снег с валенок, он пошел к конюшне.

— А ну стой, кто таков?! — Два молодых егеря, однако уже с волчьими хвостами на касках, выскочили словно бы из ниоткуда с наведенными на Карпыча ружьями.

— Отставной младший сержант Зубов Иван, отдельная особая рота егерей при главном квартирмейстерстве армии его сиятельства генерал-фельдмаршала Румянцева! — выкрикнул браво Карпыч. — Хорошо караульную службу несете, братцы! Не стыдно нам за вас, ветеранам.

— Иван Карпыч, ну, ты бы покашлял, что ли, когда вот сюды шел! — пробурчал егерь с черными усами. — А то ведь тоже эдак тихонечко да без всякого скрипа по тропке следовал. И вовсе даже не понятно, то ли это тать крадется, а то ли, наоборот, унтер с проверкой идет.

— Дэк я ведь и есть унтер, ребята, только вот уже отставной, — засмеялся Карпыч. — Нате вот, перекусите маненько, — и достал из-за пазухи небольшой сверток. — Тут по плескавице каждому, то сербская мясная еда. По куску сыра еще вдоба-

вок да по горбушке хлебца. Берите, берите, ну, чего вы жметесь, братцы?!

— Да не положено нам, дядь Вань, на посту-то, — переминались егеря.

— А то я и сам в солдатах не был да будто в ночных караулах не стоял! — усмехнулся ветеран. — Тихонько эдак спина к спине встали и наблюдение ведем, слушаем, как там вокруг вас. Кус на один зуб положили, а другим его примяли, и все, и нет уже ничего во рту. Зато вот в брюхе сытно. Ладно, пошел я, пора. Вон уже и скрипка перестала играть, — кивнул он на темнеющий дом.

— Спасибо, дядь Вань! — крикнули егеря в спину удаляющейся фигуре.

— Помогай вам Бог, будьте здоровы, братцы, — махнул им рукой Карпыч.

— Предлагаю выпить за наших деток! — расчувствовавшийся дядя Михайло смахнул скупую слезу со щеки. — Нам с Антонией не дал господь детей, так пусть у вас у всех, дорогие мои, дом будет всегда наполнен счастливым смехом малышей. Это ведь такая радость!

— Михайло, Михайло, ну успокойся, ну что ты. — Йована, подойдя, погладила брата по голове. — Вон сколько у нас здесь детей, ну чего ты, все они наши, все здесь рядом собрались!

— Да, да, сестра, прости, — кивнул Михайло. — Что-то я сегодня... За детей, дорогие мои, за детей!

Все присутствующие подняли стопки, бокалы, кружки в зависимости от предпочтений в напитках.

— Ну, коли уж только что от дядюшки тут был такой тост, может быть, и ты объявишь, папенька,

всем здесь сидящим известие про моего крестника? — громко произнес Живан.

— Да-а, прямо как десять лет назад с Радованом, — усмехнулся Алексей, вставая со скамьи. — Дорогие мои, когда-то вот так же, правда, гораздо меньшим кругом, мы провожали двенадцатилетнего мальчика в дальнюю дорогу для постижения им высоких наук. И всем нам было тогда очень за него тревожно. Как же так, такого маленького да посылать за тысячи верст в Северную столицу?! При этом оторвав его от семьи и от любящей родни, от всего такого привычного и понятного. Но вот вы посмотрите все, какой теперь перед нами сидит орел и красавец, — кивнул он на покрасневшего Радована. — Боевой офицер, егерь, целый капитан-поручик, прошедший через десятки сражений и схваток да еще и командующий сотнями воинов. А ведь за его плечами сейчас самое престижное учебное заведение нашей империи — Сухопутный шляхетский корпус. Такое образование, как у него, да еще и вкупе с боевыми заслугами открывает двери в дальнейшей карьере для любого дворянина страны. Попасть в Шляхетский сухопутный корпус очень престижно и крайне сложно, учитывая огромное количество желающих, заметьте, из о-очень влиятельных фамилий страны, всячески стремящихся пристроить туда своих отпрысков. Однако же и мы с вами тоже ведь не лыком шиты, — оглядел он с улыбкой всех сидящих за столами. — Сын мой, Илья, — и Лешка погладил голову белобрысого мальчугана. — Тебе предстоит ехать в мае месяце в Санкт-Петербург для сдачи там вступительных экзаменов. Основной набор

идет туда, конечно, пяти-, шестилетних детей с расчетом на полное четырнадцатилетнее обучение. Но и по шестилетней, усеченной программе пока что еще принимается ограниченное количество недорослей. Рекомендательное письмо от Суворова Александра Васильевича для генерал-директора корпуса графа Ангальта Федора Астафьевича мною получено. А кроме того, на личном приеме у их светлости князя Потемкина подписано и мое прошение по допуску к вступительным испытаниям дворянского сына Егорова Ильи Алексеевича. Не мне вам всем объяснять, насколько это весомо в таком вот серьезном деле. Так что, мать, осталось тебе только лишь собрать в дорогу нашего любимого отпрыска, — улыбнулся он Катарине. — И уже через полгода ему предстоит отправляться в путь.

— Да как же это, Алексей! — растерянно произнесла мать. — Он же у нас такой маленький, ему всего-то двенадцать лет через неделю исполнится! Ну как же он совсем один там, вдали от всех-то будет?!

— Катарина, ну ты чего?! — воскликнули одновременно Живан с Сергеем.

— Да тысячи дворян даже и помечтать о таком вот не могут! — аж вскочил с места старший Милорадович. — Это же Шляхетский корпус! Ты только сама подумай! Да перед Илюшкой дорога потом хоть куда будет открыта! При фельдмаршале Минихе двенадцатилетние отпрыски из дворянских и даже из княжьих родов в батальонных колоннах в атаку шли и на вражеские бастионы наравне с простыми солдатами лезли! А это всего лишь учеба! Вот только с кем же его отправлять-то в эту са-

мую столицу? Мы-то все в это самое время в действующей армии за Днестром будем!

— Да-а, я и сам весь в раздумьях, не знаю пока, что и делать, — развел руками Алексей. — Да ладно, время у нас еще есть, вся зима и большая часть весны впереди. А пока, сын мой, готовься с усердием, дабы не посрамить свою фамилию и brave-го дядюшку при поступлении в корпус. Он-то вон какой орел, сразу и безо всяких там затруднений в свое время все вступительные экзамены туда сумел сдать.

— Да мы все ему в этом поможем! — решительно махнул рукой Гусев. — Я по математическим наукам, по грамматике и чистописанию. Живан в риторике, в географии, геральдике и в истории силен. А дядюшка Михайло — он Илюхе естественные науки преподаст. Радован, как только недавно закончивший обучение, какие-никакие еще ему пробелы закроет. Ну и все вместе, сообща мы уж с языками как-нибудь да разберемся. Латынь, французский, немецкий, — загибал он пальцы, — пока, наверное, и этого хватит.

Застолье продолжилось. Детворе это сидение быстро наскучило, и она носилась по дому, играя в прятки и догонялки. То и дело под столом вылавливали кого-нибудь из малышей. Присоединился к общему веселью даже Егорка, не слезавший до этого с колен Курта.

* * *

Неделя пробегала за неделей. Прошли рождественские праздники с их раздольными и весе-

лыми гуляньями. За ними Крещение. Подошел с вьюгами и бураном февраль. В дальнюю дорогу, к стоящему у Днестра полку собирались Живан с Радованом. Их сопровождал десяток Соловьева.

— На постой будете вставать — стерегитесь, Ванька! — наставлял капрала Лужин. — Их благородия — они, конечно, сильно вумные, однако сам ведь знаешь, за всем господа ну вот никак не смогут углядеть. Тут и свой, солдатский глаз завсегда будет нужен. В том краю, где большая война прокатилась, ведь много всякого зла бывает. У дурных людей сейчас в избытке всякого брошенного оружия на руках осело. Вспомни вот сам, когда мы ротой на Буг после первой кампании заходили, сколько у нас тогда пострелух-то этих было? Днем из леса ведь даже не боялись злыдни палить. А нас, вот сам посчитай, тогда ведь гораздо более сотни с обозами шло. Вас сейчас всего-то одна дюжина, двое господ офицеров да вот твой десяток поедут.

— Да понял я, понял, Федор Евграфович, — кивнул Соловьев. — Сторожко мы будем держаться. Чай, совсем уж молодых в отделении никого сейчас нет, все нонче при волчьих хвостах пребывают. Да и без обоза ведь мы идем, с одними лишь выючными лошадьми, чтобы поскорее до полка добраться. Это вот вам через месяц гораздо тяжелее будет с саними.

— Ничего-о, ты за нас не волнуйся, Ванька, — хмыкнул Цыган, — за собой вон лучше гляди. Лишь бы снег подольше простоял, чтобы за самый Днестр саним прокатиться. А то было уже как-то однажды, вспомни, с конца февраля аж тепло пришло, и обложные дожди тогда же зарядили.

Какие уж там сани, даже и верхом-то по дорогам не пройти было!

Возле дома Милорадовичей прощались со всей родней и знакомыми Живан с Радованом. Полк на своем зимнем квартировании оставался в Бырладе под командой секунд-майора Кулгунина Олега Николаевича, и офицеры спешили к нему вернуться пораньше.

— Удачной дороги! — Алексей обнял обоих братьев. — Яссы будете проезжать — в главное квартирмейстерство явитесь, доложите там о досрочном своем прибытии в армию. Может, у командования для вас, для нашего полка что-нибудь важное будет. И мы тоже так же через полтора месяца туда заедем. Ну, все, давайте, в путь, друзья! Счастливо, братцы! — махнул он рукой сидящим коней егерям.

Четырнадцать всадников, ведя в поводу заводную лошадь, отправились на запад.

— Алексей, — тронул за руку Егорова Курт, — есть у тебя время ко мне зайти? Хотел я кое-что показать, но сразу хочу сказать: это не есть хороший известий.

— Вот как? Ну, тогда тем более нужно идти, — хмыкнул Лешка. — А я ведь и сам смотрю, что-то ты в последние дни какой-то весь хмурый ходишь. Из кузни и своей слесарной мастерской не вылезаешь. Даже у Егорки нос в саже был и синяк на ножке.

— Да, Георгий мне очень пытаться помогать, — усмехнулся Курт. — Я его к вам отправлять, а он скорее реветь, ему со мной нужно быть. Бойтся, что я опять на войну уехать. А вчера себе на ногу

молоток уронить и опять сильно плакать. Хорошо, что тот молоток совсем маленький быть, который для точной ударной работа, а то бы и покалечиться мог. И ведь все равно потом обратно к железу лезть, никак его не оторвешь от себя, — покачал он сокрушенно головой. — Только одна лишь Катарина его в силах увести.

Курт квартировался по соседству с домом сельского кузнеца, тестя Леонтьева Михаила. Вместе со Шмидтом они занимались там своими железными делами. Тут же при кузне был и пристрой в виде слесарной мастерской, возведенный еще при самом начале поста особой роты, а потом и батальона.

— Ну, показывай, что тут у тебя за нехорошее такое известие для меня? — спросил Егоров, заходя внутрь помещения.

— Алексей, я хорошо знать, насколько для тебя важен твой оружий, — сказал с печалью в голосе друг, разворачивая лежащий на верстаке сверток. — Это ведь есть винтовальный ружье твоего отца, и оно очень дорого тебе как память, — погладил он лежащий перед ним прусский штуцер. — Но ведь всякая вещь имеет предел для своей работа, тем более если она, эта работа такая, э-э-э... как это правильно сказать? Если она такая насыщенная и большая. Уже трижды я ранее серьезно делать этот штуцер. Переделывать в нем весь механизм ударного замка, менять цевье и его приклад, углублять сильно стертые в стволе нарезы. Но больше уже тут ничего, увы, поделывать нельзя. Из него очень-очень много стрелять, и, наверное, он сильно перегреваться и получить большой износ ствола. К тому же окись свинца и воздействие

на металл частиц сгорания от пороховой заряд тоже иметь постоянное и вредное действие. И хоть за штуцер хорошо ухаживать и следить, но он ведь как дедушка, со временем сильно устать и теперь должен идти на покой.

— Неужели тут ничего вообще нельзя поделывать, Курт? — Алексей взял с верстака родной штуцер и ласково его погладил. — Ну, может, снова там нарезы углубить? Поменять что-нибудь в замковом механизме?

— Нет, Алексей, извини, — покачал головой оружейник. — Тут есть сильный истончений ствола, имеется небольшой вздутий, есть даже несколько мелкий, очень мелкий трещин. Стрелять из такой штуцер очень опасно. Ствол может просто разорваться под избыточный давлений пороховой газ при новый выстрел. Не забывай, что эта наша «хитрая пуля» и сама способствовать созданию такой вот высокий давлений, ведь она очень плотно прилегать к стенкам, буквально врезаясь в них. Не зря у нее такая интересная конструкция с выемкой внутри. Ведь именно это давать увеличение расстояние ее полета и прицельная дальность стрельбы. Кстати, эта беда с износ стволов касается и всех других наших ружей. При таком большом ведении огня, какая есть в наш полк, и при использований такой вот особой пули и в других стволах может быть та же болезнь, что и в твой штуцер. Поэтому мы, полковые оружейники, и так внимательно смотреть, чтобы все егеря хорошо чистить ствол и не перегревать его при стрельбах. Но годы идут, и оружие тоже стареть, так же, как и его хозяева. Этот штуцер иметь уже больше тридцати лет,

и последние два десятка из него очень много работать. Я, конечно, могу с него снять некоторый отдельный деталь... э-э-э... как экстерьер, как бы для внешний вид новый штуцер. Но основа оружия, каковым является сам ствол, использовать далее никак нельзя.

— Нет уж, незачем его разбирать, — вздохнул Алексей. — Пусть уж мой старичок, каков он и есть, висит на самом видном месте, где-нибудь на стене в поместье, там, где он и был мне в руки дан. Осталось вот только теперь туда вернуться.

— О да, это есть хорошая мысль! — кивнул Курт. — Это как особый реликвий для поколений всего рода Егоровых. Когда ты быть седой генерал, то будешь снимать его со стены и рассказывать внукам о свой подвиг и о подвиг особых егерей-волкодавов. И не переживать, совсем без оружия я тебя не оставить, держи, это есть мой подарок, — и Курт достал из стоящего рядом с верстаком шкафчика новый, лоснящийся маслом штуцер. — Бери, бери, от такой вот подарок, который дарится с душой, никак нельзя отказываться! Он, конечно, не иметь такой длинный ствол, как те винтовальные ружья, которые я привезти из поместий, но и ничем не уступать твой отцовский. И его так же можно быстро перезаряжать. Здесь три откидные планки для выбора расстояний стрельбы до цели, а вот основная — она есть неподвижная. Сама мушка заключена в защитный круг, — показывал он на прицельные приспособления. — Вот это защелка под стволом для креплений кинжаловидный штык. Приклад сработан из темный орех. Я только не успеть его заполировать и покрыть